

ченку, — „меня бы такъ не оскорбила. Богъ тебѣ судья! Не щадишь ты себя, ни друзей своихъ. Не набрасывай *этого* на свою натуру и характеръ. Я *этого* не допускаю; человѣкъ тѣмъ и отличается отъ животныхъ, что у него есть воля. Не взыщи за мои грубыя слова. *Дружба строга*; а ты самъ произвелъ меня въ друзья и потому пеняй на себя“.

Такимъ образомъ, Щепкинъ былъ для Шевченка какъ бы олицетвореніемъ голоса совѣсти. И это, быть можетъ, особенно и привлекало поэта къ нему, что такъ прекрасно и просто выражено у Шиллера, въ его двустии, озаглавленномъ „Порицатель“:

„Строго, какъ совѣсть моя, замѣчаешь во мнѣ ты ошибки;

„Я вѣдь за то и люблю такъ же, какъ совѣсть, тебя“.

Любя друзей, которыхъ у него было много какъ между великими людьми, такъ и между простыми смертными, окруженный всюду ореоломъ славы, Щепкинъ не былъ гордъ, не возносился передъ людьми, ниже его поставленными, но умѣлъ и о нихъ подумать, не забывая, что и онъ когда-то былъ простымъ крѣпостнымъ и всякаго горя навидался. Въ письмѣ къ Шевченку онъ поручаетъ поэту непременно пойти къ одному властѣ имущему лицу и попросить, чтобъ онъ обратилъ доброе вниманіе почтмейстера на маленькаго человѣка — на почтальона, везшаго Щепкина изъ Нижняго. „Доброе слово для маленькаго человѣка необходимо“, убѣждаетъ Щепкинъ.